

ТОСКА ПОЭТА ПО РОДНОМУ КРАЮ

Воспоминания о жизни Райко Жинзифова в Москве, написанные в 1864 году, являются важным источником для изучения его творчества и личности. В них он рассказывает о своем пребывании в Москве, о знакомстве с русскими писателями и о своем отношении к русской литературе.

Воспоминания Райко Жинзифова о Москве, написанные в 1864 году, являются важным источником для изучения его творчества и личности. В них он рассказывает о своем пребывании в Москве, о знакомстве с русскими писателями и о своем отношении к русской литературе.

Воспоминания Райко Жинзифова о Москве, написанные в 1864 году, являются важным источником для изучения его творчества и личности. В них он рассказывает о своем пребывании в Москве, о знакомстве с русскими писателями и о своем отношении к русской литературе.

После годичной подготовки Райко Жинзифов сдал приемные экзамены и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он уже более трех лет живет на чужбине, в стране с другими общественными условиями жизни. Тяжелым было его материальное положение. Ему не хватало денег, и он был вынужден давать частные уроки. В одном письме В. Д. Стоянову, болгарскому студенту в Праге, от 12 января 1864 года он пишет: „Аз па като бех неколко си време домашен учител и видех в пазуварката си два-три гроша, реших се и издадох „Ново-българска сбирка“ ... Или же в другом месте письма: „Мие, брате, късахме си от насущийт си хлеб за да издаваме „Братски труд“ ...“¹

Одновременно, уже будучи студентом первого курса, он начал сотрудничать в разных московских журналах и газетах, преимущественно славяновильского направления,² с двумя целями: заработать какие-то деньги и познакомить русское общественное мнение с действительным положением „турецких славян“. В стихотворении „Жалба“ („Печаль“, 1862) поэт говорит: „Все мислит, все думат, не спит, А ден и ноц работа вършит.“

Жинзифов никогда не думал о себе, о личном счастье. Он был человеком, который в прямом смысле слова отдал всю свою жизнь на службу народу. Поэтому тоска, болезненная ностальгия и бесконечная печаль по родине занимают такое место в его поэтическом творчестве. Его поэзия является своеобразным верным источником, откуда можно узнать о трудных условиях жизни и о личном положении поэта.

Студенты из Болгарии и Македонии составляли в Москве особый круг (в отличие от круга в Одессе), который в конце пятидесятых и в шестидесятых годах развивался и определил свою литературную и просвети-

¹ Urban, Z.: *Dva neznámě dopisy Rajka Zinzifova V. D. Stojanovovi a jejich význam*, in: sb. Franku Wollmanovi k sedmdesátinám, Praha 1958, s. 260.

² Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, 1—2, София 1964; Ерихонов, Л. С.: *Жинзифов в руския печат*, Литературна мисъл, 4, 1963, с. 71—81; Никитин, С. А.: *Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах*, Москва 1960, с. 105.

тельскую деятельность под воздействием русской культуры, литературы и революционно-демократической идеологии. Они являются ревностными носителями благотворного для новоболгарской и македонской литературы русского влияния.³

Хотя они вращались преимущественно в русской славянофильской среде, под влиянием русского демократического движения и прогрессивной литературы они формируют свое мировоззрение в согласии с требованиями своего народа.

О студенческих годах жизни Райко Жинзифова имеются лишь незначительные и скудные сведения. Мы знаем, что он слушал лекции известных романтически настроенных русских ученых-славянофилов, напр., лекции выдающегося русского филолога, исследователя русского фольклора и древнерусской литературы Ф. И. Буслаева (1818—1897), историка и деятеля панславизма М. П. Погодина (1800—1875), буржуазного историка С. М. Соловьева (1820—1879) и др., обращая притом особое внимание на историю балканских славянских народов.

В стихотворении „Безсоница“ (1862) поэт нам описал прекрасно свою жизнь и душевное положение в годы наступления реакции в России после отмены крепостного права. В стихотворении порывается склонность к публицистическому изложению и описанию, как и в ряде других его стихотворений. Жинзифов сначала дает картину среды, т. е. Чертковской библиотеки, в которой пишет стихотворение:

Во висока къща, во широка стая,
Дълга, предълга, е сам,
Обколен съ книги от края до края,
Шетат и мислит он там.⁴

Гнетущее чувство одиночества, уединения заставляет поэта обращаться к книгам со злобными вопросами, иногда полными отчаяния и нигилистических мыслей о бесполезности книг и науки. В письме П. И. Бартеневу от 13 июля 1862 года он писал: „Вы уже заметили в моих письмах чудовищную мысль о бесполезности Библиотеки, ту же мысль я изложил в стихах, которые потом я уничтожил ...“⁵

Все, что поэт делает, все, что видит, связывает он с народом, который

---

³ Членами Московской болгарской дружины были, напр.: Хр. Даскалов, К. Геров, К. Миладинов, П. Тодорович, В. Попович, Л. Каравелов, Р. Жинзифов и др. См. Ерихонов, Л. С.: *Литературната дейност на българската дружина*, Език и литература, год. XVIII, бр. 6, 1963, с. 49—58.

⁴ Стихотворение написано в библиотеке Черткова. Под стихотворением находится примечание автора „библ. Черт.“. См. еще Поленаконик, Х.: *За генезата на „Безсоница“ од Райко Жинзифов*, „Прилози“ на МАНУ, 1, 1—2, Скопје 1976, с. 11—18.

⁵ Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенева*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 171. В том же письме Жинзифов дальше пишет: „Да, Петр Иванович, наука ничего не сделала для человека, никакой пользы не принесла. Надобно ей дать другое направление, более духовное, соответственное назначению человека, а это настоящее стремление к материальному повалило его в грязь.“

задыхается в угнетении. Все, что не способствует борьбе народа, он ненавидит. Потому обращается в стихах с вопросом:

**Що ви направихте, книги многобройни?
Ви каков донесохте плод?
Усмалихте ли вие маки безбройни
На горкийт той ми народ?**

Думая о народе, Жинзифов вспоминал о своем детстве, о красивых холмах, окружающих его родной город Велес с шумным Вардаром. И стихотворение, начавшееся описанием жизненных обстоятельств в России, продолжено каким-то монологичным рассказом поэта о детстве:

**Овдешен не сум; я се родих далеко,
Во южна и топла страна,
Мене отхрани после майчино млеко
Вардарска бистра вода.**

Стихотворение развивается от обобщенного к конкретному изображению картин родного края: поэт вновь возвращается к описанию македонских жниц, уходящих после изнурительной и утомительной работы поздно вечером с поля. В этом образе Жинзифов первый в македонской литературе XIX века дал картину тяжелой жизни македонской деревни в начале второй половины XIX столетия. Образ трудовых крестьян земледельцев, в которых Жинзифов начинает видеть, хотя еще и неотчетливо, движущую силу общественного развития (очевидно, под влиянием революционных демократов), так как они „Вредни сет за бесплатна свобода цълна“.

Годы написания стихотворения являются временем жесточайшей реакции в России, борьбы против всего демократического, народного, человеческого. Философские взгляды 23-летнего поэта не были еще достаточно прочно сформированы, еще поддавались влиянию разных философских и социальных направлений. Он находится на распутье либерального и революционно-демократического направлений. Поэт еще не понимал закономерностей революционного преобразования общества. Тем самым можно объяснить и некоторые идеалистические, либеральные идеи о „постепенном прогрессе без потрясений и борьбы“ — „без да се лее капка кърв!“

Жинзифов размышляет о смысле жизни, о полезности своих поступков:

**Дух ли лош по мене следват, ил' изпитват
Разумът, что всичко е зло?
Или мойт живот е бесплодна битва?
Пуста, без никакво добро?**

Притом поэт после долгих душевных испытаний отклоняется от своих идеалистических, религиозных взглядов, дает короткую исповедь. Она состоит в том, что Жинзифов постепенно перестает верить в добро и могущество надземских сил, в полезность молитв и жертвований богу:

А сега, о книги, не често отивам
В църква, не твърд е мой дух,
Мътна е моя молитва и често я бивам
До светлостта нем и глух.

Простая, бедная жизнь, жестокая действительность русской среды заставляют его думать об абстрактных философских понятиях — о понятиях добра и зла („Мисли нападват диви, душа ми немент / и не верват в доброта“).

Райко Жинзифов тосковал по родному краю, по ласковым македонским пейзажам. Он часто рисует их в своих стихотворениях и в своем воображении идеализирует их.

Основной идеей „Бессоницы“ является народ, простые земляки, с которыми было связано детство поэта. Простой народ со своими „грустными“ многоголосыми песнями, которые разрывают сердце поэта:

Българска песня ти многогласовита,
Сърдце ми пак раздираш ти!
жалва, ухилна и тъжноречовита,
Ти дар самоивлски си!

Это является еще одним объяснением безграничной любви поэта к народно-поэтическому творчеству. Сильно и трогательно звучат стихи о народе, являющиеся апофеозом его непоколебимости, непокорности и здоровой душевной силы. Его судьба и страдания являются личной судьбой поэта:

Как да забравам то, за кое боляем,
Кое подържват мой живот?
За кое я страдам, пред кое немея
— Горкийт мой народ?

Основной мотив его поэзии — мечта о родине и глубокий патриотизм — развивается и в других стихотворениях. Томлением по родному краю переполнено сердце поэта. В стихотворении „Жалба“ („Печаль“) ясно выражено отращение поэта к чужой среде, так как

... все чуждо пред него,
хлеб и сол и дреха и риза
и скорни, все что ет на него
не е негово, чуждо излиза.

Подобным тоном и с тем же намерением написано и стихотворение „Таен глас“ („Таинственный голос“), в котором поэт выразил свои настроения, пользуясь двумя македонскими народными пословицами. Яркими образами поэт рисует бедноту, безразличие среды, безнадежность и личное отчаяние.

Антитезой, своего рода бегством из трудной и невыносимой атмосферы

жизни поэта вдали от родины, являются воспоминания о родном крае, о той „южной и теплой стране“. Напр., в стихотворении „**На чужбина**“ („**В чужбине**“) дана трагическая исповедь поэта — поразительные факты о его личной жизни.⁶ Поэтому он с глубоким волнением в своем воображении переносится туда, в родной край. Образ „домашней страны“ поэт гиперболизирует и идеализирует, чтобы только приблизиться, хоть мысленно, к родным пейзажам:

Утрени ветер, пресен, прохладен
И миризливи южни градини,
Що ти ет мило, зацо си страдаш.
Помниш и гледаш ти това место,
Где сос въретници, с млада дружина
Песни си пеял, шетал си често,
Денем и в полноц при месечина.
Помниш на вечер, при вечерница,
Моми жетварки идат от нива,
Глас им прилича на славей птица,
Милна им песня далеч с' отзыва.

Такие и подобные картины родного края умиротворяют поэта, вливают успокоение в его собственное существование. Жинзифов никогда не забывает вывести образ трудового народа — македонских жниц. В ряде его стихотворений этот образ проходит красной нитью и является мостом, связывающим поэта с народом. Жинзифов в них, в их простоте и красоте, скромности и естественности, в бодрости и воодушевлении и в их прекрасных народных песнях ищет и находит душевную утеху и успокоение. С ними всегда связан образ родного края. Известная идеализация народа в романтическом духе совершенно понятна в условиях жизни поэта и в условиях положения поработченного народа на Балканах. К этой группе стихотворений относятся прежде всего стихотворения (помимо упомянутой уже „**Бессоницы**“ и „**В чужбине**“) „**Млади години**“ („**Молодые годы**“), „**Близ реката Вардар**“ („**Недалеко от реки Вардара**“), „**Селянка**“ („**Крестьянка**“) и некоторые другие.

Чем больше Жинзифов ознакомился с северной суровой русской природой и с грустной и тяжелой действительностью, тем чаще и страстнее вспоминал о детстве, „напряжен живют, радость тогдашна“.

О природе родного края автор вспоминает и в лирическом стихотворении „**Близ реката Вардар**“ („**Недалеко от реки Вардара**“). Очень характерно для Жинзифова (но в конце концов вполне естественно), что и в единственном его любовно-романтическом стихотворении скорее выражена мечта, воспоминания о подвельских пейзажах, чем о любви.

---

⁶ Там же, с. 186—188.

